

положения, происхождения, ограниченной трудоспособности, возраста или сексуальной ориентации.

Термин «дискриминация» используется и в национальном законодательстве. Так, в ст. 22 Конституции Республики Беларусь провозглашается равенство всех перед законом и право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Указанный термин встречается и в иных законодательных актах, пусть и без раскрытия его содержания.

Отметим, что законодательство отдельных стран Европейского союза предусматривает более детальное закрепление исследуемого понятия. Так, ряд антидискриминационных актов Великобритании, например Акт о равной оплате 1970 г., Акт о половой дискриминации 1975 г., Акт о расовых отношениях 1996 г., Акт о дискриминации по признаку инвалидности 1995 г., не только содержат отсылки к нему, но и включают максимально возможный перечень соответствующих характеристик.

Таким образом, в белорусском законодательстве можно констатировать наличие пробела, заключающегося в отсутствии четкого определения понятия «дискриминация», что препятствует противодействию этому негативному явлению. Представляется целесообразным устранение указанного пробела посредством нормотворчества государственных органов. Более оперативным способом разрешения указанной проблемы видится принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, которое раскрыло бы содержание термина «дискриминация» применительно к отдельным сферам правовых отношений.

Л.А. Бурко
Научный руководитель — Л.А. Березюк
БГЭУ (Минск)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ЗА НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ НАРКОТИКОВ В МЕДИЦИНСКИХ ЦЕЛЯХ

В настоящее время в практике следственных и судебных органов встречаются уголовные дела, связанные с незаконным с целью сбыта оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее — незаконный оборот наркотиков), совершенные медицинскими работниками, являющимися должностными лицами, с использованием своих служебных полномочий, сопряженные с хищением лекарственного препарата, содержащего в своем составе наркотик. Такие действия должностного лица подлежат квалифика-

пии по ч. 2 ст. 327 и ч. 3 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) [1].

В то же время действия должностного лица, похитившего лекарственный препарат, содержащий наркотик, но не имевшего умысла на незаконный с целью сбыта оборот наркотиков, совершаемые путем введения инъекции препарата с наркотиком другому лицу в соответствии с медицинскими показаниями, квалифицируются также по ч. 2 ст. 327 УК и ч. 3 ст. 328 УК. Однако полагаем, что действия должностного лица, сопряженные с хищением препаратов, содержащих наркотические средства, заключающиеся во введении инъекции препарата с наркотиком лицу, имеющему медицинские показания для этого, хотя и с нарушением установленного для этих действий порядка (выписка рецепта на препарат, содержащий наркотик; использование препарата, содержащего наркотик, без отражения в медицинской документации) следует квалифицировать по ч. 2 ст. 327 УК и ч. 1 ст. 328 УК (как незаконное без цели сбыта хранение и (или) перевозка наркотиков).

Так в частности в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» говорится о том, что не может квалифицироваться как незаконный сбыт реализация наркотического средства или психотропного вещества путем введения одним лицом другому лицу инъекций, если наркотическое средство или психотропное вещество вводится в соответствии с медицинскими показаниями [2]. По нашему мнению, данное положение следует считать правильным, так как основной целью незаконного сбыта наркотиков является их последующее немедицинское потребление (одурманивание).

Таким образом, полагаем, что следует рассмотреть вопрос о возможности внесения изменений в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [3], дополнив его предложениями следующего содержания: «Не может квалифицироваться как незаконный сбыт инъекция одним лицом другому лицу наркотического средства, психотропного вещества, их аналогов, если данные вещества или препараты, их содержащие, вводятся в соответствии с медицинскими показаниями».

Источники

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 131-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 15 июня 2006 г., № 14 : с изм. и доп. // Гарант. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/1356161/>. — Дата доступа: 31.01.2019.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327—334 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2019.

Е.В. Вайда, М.В. Захаревская

*Научный руководитель — кандидат юридических наук И.П. Манкевич
БГЭУ (Минск)*

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА «КЛИМАТИЧЕСКИХ БЕЖЕНЦЕВ»

Практическая значимость изучения данного вопроса обусловливается тем, что с каждым десятилетием увеличивается количество стихийных бедствий и климатических изменений, которые становятся причиной миграции людей. В связи с этим актуальными становятся исследования правового статуса беженцев, покинувших свое государство по причине стихийных бедствий либо из-за климатических изменений.

На международном уровне правовой статус беженцев закреплен лишь за теми, кто согласно Женевской конвенции Организации Объединенных Наций «О статусе беженцев» 1951 г. и ее специального Протокола «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие каких-то опасений» [1].

Поскольку в качестве беженцев не рассматривается категория лиц, пострадавших от природных бедствий или в силу климатических изменений, можно сделать вывод о том, что в международном праве существует пробел, касающийся проблемы правового статуса «климатических» беженцев, который указывает на необходимость регламентации условий и порядка реализации прав на защиту для рассматриваемого круга лиц.

Ввиду этого авторы считают необходимым ввести в научный оборот дефиницию «климатический беженец»: лицо, которое в силу вполне